

Телефонная трубка хранила долгое молчание, и лишь сбивчивое, подавленное дыхание обоих едва слышно доносилось сквозь электрические помехи.

Сказав эти четыре слова, Шэнь Цы тут же пожалел об этом. Просьба, вырвавшаяся в порыве импульса, словно обнажила его самую уязвимую сторону, и в тот же миг его охватили паника и жгучий стыд. Ему безумно хотелось немедленно сбросить вызов.

Но в тот самый момент, когда его палец уже готов был коснуться кнопки отбоя, раздался голос Лин Цзинсу. По-прежнему холодный и отстраненный, но без тени сомнения или расспросов. Только одно короткое слово:

— Хорошо.

Никаких вопросов о том, зачем это нужно, никаких просьб назвать адрес, даже ни капли удивления. Словно глубокой ночью получить от Шэнь Цы столь внезапную просьбу для него было самым естественным делом на свете.

Звонок прервался, слышались гудки.

Шэнь Цы застыл с телефоном в руках посреди ледяной тайной комнаты. Вокруг него были разбросаны улики, способные вызвать настоящий шторм, но в голове была лишь пустота, в которой эхом отдавалось твердое и решительное «хорошо» Лин Цзинсу.

Как он мог... вот так просто согласиться?

Он ведь даже не знает, где это место!

Спустя несколько минут зазвонил внутренний телефон тайной комнаты. Раздался осторожный голос охранника у входа:

— Молодой господин Шэнь, прибыл врач по фамилии Лин. Сказал, вы его вызвали...

Он действительно приехал. Так быстро? Он что, все это время был где-то рядом, или...

Шэнь Цы резко пришел в себя, глубоко вдохнул, подавляя бурю эмоций:

— Пропустите его. Проводите прямо к входу в подземный тайник.

— Слушаюсь.

Ожидание тянулось невыносимо долго. Каждая секунда казалась пыткой. Шэнь Цы смотрел на

беспорядок вокруг, на свою распухшую руку, на экран, где застыл кадр грязного видео... Впервые он ощутил невыразимую беспомощность и... низость своего положения.

Он не хотел, чтобы Лин Цзинсу видел всё это. Не хотел, чтобы тот увидел его таким потерявшим контроль, таким проигравшим.

Но он сам его позвал.

Тяжелая дверь тайника с тихим гидравлическим шипением отъехала в сторону.

Лин Цзинсу стоял на пороге в той же простой повседневной одежде, с тяжелым на вид медицинским чемоданчиком на плече. Холодный белый свет ламп упал на его лицо, делая и без того бледную кожу почти прозрачной. Его взгляд быстро скользнул по комнате: разбросанные документы, включенный компьютер, экран с поставленным на паузу видео, распухшая правая рука Шэнь Цы и его покрасневшие глаза.

Лин Цзинсу едва заметно нахмурился, но на лице не отразилось ни удивления, ни страха. Он сделал шаг внутрь, и дверь бесшумно закрылась за его спиной.

— Руку, — он подошел к Шэнь Цы, поставил чемоданчик на пол. Голос его звучал ровно, словно это был самый обычный визит врача.

Шэнь Цы инстинктивно отдернул поврежденную руку.

Лин Цзинсу поднял взгляд, его глаза были ясными и настойчивыми:

— Я врач.

Шэнь Цы смотрел на него несколько секунд, а затем медленно протянул руку. В глубине души разлилось странное чувство, в котором смешались унижение и жажда опереться на кого-то.

Лин Цзинсу осторожно подхватил его запястье. Его пальцы были прохладными, а движения — на удивление мягкими. Он внимательно осмотрел опухшие, с содранной кожей суставы и профессионально произнес:

— Смещение сустава, ушиб мягких тканей. Нужно вправить и зафиксировать. Будет немного больно, потерпите.

Он достал из чемоданчика антисептик, бинты и шину.

Все это время он не задал ни единого вопроса об этом хаосе, о конфликте в аэропорту или о

том, почему Шэнь Цы так сорвался. Все его внимание было сосредоточено на травмированной руке — словно это было единственное, что имело значение в целом мире.

Эта сосредоточенность и невозмутимость, лишенная всякого осуждения, странным образом успокоила бушующий внутри Шэнь Цы шторм.

В тайной комнате слышалось лишь тихое позвякивание инструментов и их сбивчивое дыхание.

Когда Лин Цзинсу начал вправлять сустав, острая боль заставила Шэнь Цы глухо застонать. На лбу мгновенно выступил холодный пот, а левая рука непроизвольно сжалась в кулак.

Прохладная ладонь накрыла его сжатый кулак.

— Расслабьтесь, — голос Лин Цзинсу звучал тихо, с неоспоримой успокаивающей силой. — Сейчас все пройдет.

Шэнь Цы замер, ощущая тепло ладони на своем сжатом кулаке, такое контрастирующее с прохладой пальцев врача. Это тепло словно обладало магической силой: проникая сквозь кожу, оно постепенно разливалось по его ледяному, напряженному телу.

Он действительно начал расслабляться.

Лин Цзинсу действовал быстро: вправил сустав, зафиксировал его, аккуратно перебинтовал руку и наложил шину.

— Пока не нагружайте ее. Завтра лучше съездить в больницу, сделать снимок для проверки, — наставлял он, убирая инструменты, по-прежнему сохраняя сухой врачебный тон.

Шэнь Цы посмотрел на свою профессионально перевязанную руку, затем на склонившегося над чемоданчиком Лин Цзинсу и внезапно хрипло произнес:

— Ты не спросишь?

Лин Цзинсу замер, не поднимая головы:

— О чем?

— ...Обо всем этом здесь, — взгляд Шэнь Цы обвел бумаги и компьютер. — Почему я стал таким.

Лин Цзинсу застегнул чемоданчик и поднял взгляд, прямо глядя на него своими ясными

глазами:

— Это ваша частная жизнь. Если захотите рассказать — расскажете. Если нет, то мои вопросы ничего не изменят.

В его взгляде не было ни капли примесей, ни любопытства, ни расчета — лишь чистое уважение и... чувство дистанции.

Что-то внутри Шэнь Цы словно дрогнуло.

Он встречал слишком много людей: одни льстили ему, другие боялись, третьи, как Фу Юньчжэн, строили козни и предавали. Но никто, подобно Лин Цзинсу, не вел себя так: увидев его с самой неприглядной стороны, он просто спокойно выполнял свой долг, не нарушая границ, не пытая и не осуждая.

Такое отношение дарило чувство безопасности. И даже... вызывало зависимость.

— Он лгал мне пять лет, — Шэнь Цы услышал собственный голос, сухой и спокойный, словно он говорил о ком-то другом. — С самого начала все было ложью. Ради денег, ради мести, ради... не знаю чего еще.

Он не смотрел на Лин Цзинсу, его взгляд был прикован к разбросанным документам, словно он разговаривал сам с собой.

— Этого достаточно, чтобы погубить его и тех, кто стоит за ним. Достаточно, чтобы потянуть на дно семью Шэнь. — Он помолчал, в его голосе проскользнула едва уловимая усталость и пустота. — Я победил. Месть удалась. Но чувство... словно проглотил муху.

В тайной комнате снова воцарилось молчание.

Лин Цзинсу не отвечал, не пытался утешить, он просто молча слушал. И это молчаливое внимание пробудило в Шэнь Цы желание продолжать.

— Я еще видел... — голос его дрогнул. В памяти снова всплыло то видео, и волна ярости вперемешку с отвращением поднялась внутри, так что слова едва давались. — Я видел, что пять лет назад... он пытался сделать с тобой...

Он не закончил фразу, но сжатый кулак и внезапно похолодевший взгляд говорили сами за себя.

Лин Цзинсу слушал молча, на лице по-прежнему не было эмоций, лишь при последних словах его ресницы едва заметно дрогнули.

— Все уже в прошлом, — спустя долгое время тихо произнес Лин Цзинсу, таким тоном, будто говорил о погоде. — Со мной все в порядке.

Эти четыре простых слова «со мной все в порядке» стали подобны огромному валуну, брошенному в озеро души Шэнь Цы, поднявшему тысячи волн!

Он резко поднял голову:

— Ты хоть понимаешь, насколько это было опасно?! Если бы тогда он...

— Я знаю, — перебил его Лин Цзинсу, глядя прямо на него с едва заметным, почти успокаивающим выражением. — Но я справился. Он не добился своего, и я не остался в проигрыше.

Его спокойствие и равнодушие странным образом погасили ту яростную бурю гнева, возникшую в груди Шэнь Цы из-за страха за него.

Шэнь Цы растерянно смотрел на него, внезапно осознав, что человек перед ним гораздо сильнее и... могущественнее, чем он мог вообразить. Он не был нежным цветком, нуждающимся в оранжерее, он был деревом, способным в одиночку противостоять бурям.

Его собственное сильное желание защитить и охвативший его гнев, казалось, были... несколько самонадеянными.

Тонкое чувство поражения переплелось с еще более глубоким влечением.

— Ты... — Шэнь Цы открыл рот, но не знал, что сказать дальше.

Спросить, почему ему все равно? Поблагодарить за то, что «все в порядке»? Или продолжать изливать душу по поводу своих проблем?

Все казалось не к месту.

Лин Цзинсу в этот момент поднялся, взяв чемоданчик:

— Рука обработана. Если больше ничего нет, я пойду.

Он снова вернулся к своей вежливой и отстраненной манере.

Внутри у Шэнь Цы стало пусто, и он почти машинально выпалил:

— Не уходи.

Лин Цзинсу остановился, обернулся и вопросительно посмотрел на него.

— ... — Шэнь Цы отвел взгляд, неуклюже подыскивая предлог. — Уже слишком поздно. Отсюда не вызвать такси. Наверху... есть гостевая комната.

Сказав это, он сам понял, насколько нелепо звучит этот предлог. Разве может быть проблемой вызвать такси от особняка семьи Шэнь?

Лин Цзинсу молча смотрел на него, словно оценивая правдивость его слов.

И когда Шэнь Цы уже решил, что тот снова откажет своим холодным тоном, Лин Цзинсу едва заметно кивнул.

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/19433/1903688>